

Местная история: образы и сюжеты в трудах историков первой половины XIX в. (В.Д. Сухоруков, П.А. Словцов)

О.Н. Шевцова

Аннотация. Труды русских историков первой половины XIX в. имели ряд признаков сходства с произведениями художественной литературы, что в целом соответствовало культуре эпохи романтизма и отражало воздействие этой культуры на историографию последующего времени. В частности, один из таких признаков состоял в наличии у них сюжета, напоминающего сюжет литературного произведения. Такие сюжеты имелись в трудах по местной истории, в т.ч. по истории Дона В.Д. Сухорукова и Сибири П.А. Словцова. Между сюжетами этих трудов имелись определенные отличия. В труде Сухорукова прослеживаются две кульминации, связанные с борьбой донского казачества за Азов и с подчинением войска Донского России, которое завершилось после подавления Булавинского восстания. В сюжете по истории Сибири Словцова кульминация не прослеживается, но внутренняя напряженность повествования, отражавшая трудности присоединения, последующего хозяйственного освоения Сибири и развития ее культуры, в тексте этого сочинения присутствует постоянно. На пути этого развития стоял взгляд правительства на Сибирь как на источник податных поступлений, а также дурное управление и некоторые особенности традиционной культуры. Литературные сюжеты исторического повествования в этих трудах отличались остротой, что делает их особенно интересными для читателя.

Ключевые слова: историческая наука, романтизм, местная история, художественная литература, сюжет, завязка, кульминация, развязка, история донского казачества, история Сибири.

Шевцова Оксана Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры речевых коммуникаций и издательского дела Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, oksana_shevtsova@bk.ru.

Local History: Images and Plots in Historians' Works of the First Half of the XIX Century (V.D. Suhorukov, P.A. Slotvsov)

O.N. Shevtsova

Abstract. Works by Russian historians of the first half of the XIX century had some similarity to works of fiction that in general corresponded to the culture of an era of romanticism and reflected the influence of the culture on the historiography of the subsequent time. The main similarity concerned the plot similar to fiction one. Works on local history, including the Don history by V.D. Suhorukov and Siberian history by P.A. Slotvsov, had similar plots. Nevertheless, these works had some distinctions. Two culminations concerning the fight of the Don Cossacks for Azov and the final submission of the Don Cossack Host to Russia after the suppression of Bulavinsky revolt are traced in Suhorukov's work. As for Siberian history by Slotvsov, there is no the culmination, but the intenseness of the narration reflecting the difficulties of annexation, the subsequent economic development of Siberia and its cultural development is obvious. Treating Siberia as the source of income, bad governing and some cultural features got in the way of its development. Witticism is the distinctive feature of these historical narrations which makes it particularly intriguing for the reader.

Keywords: historical science, Romanticism, local history, fiction, plot, tie, culmination, outcome, history of the Don Cossacks, history of Siberia.

Shevtsova Oksana N., Candidate of Science (Philology), Associate Professor,
Department of Speech Communications and Publishing, Institute of Philology,
Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, 105/42,
Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russia, oksana_shevtsova@bk.ru.

Одним из наиболее важных свидетельств развития отечественной исторической науки в первой половине XIX в. являлось заметно возросшее внимание к местной истории. Это было не случайно. Культура романтизма в целом, которая оказывала значительное воздействие на разные стороны духовной культуры, в т.ч. на формировавшуюся историческую науку, особый интерес испытывала к изучению конкретной истории, фактов, событий и явлений прошлого, прежде всего относящихся к родной истории и к родной культуре. Это, в свою очередь, предопределило дальнейшее углубление интереса к истории местной, которая начинала развиваться еще в эпоху Просвещения, когда стали появляться труды, относившиеся к истории отдельных российских городов и территорий страны. Первая половина XIX в. была временем, когда появлялся ряд очень крупных, фундаментальных трудов, относящихся к истории регионов страны. К таким трудам относится сочинение по истории Дона донского офицера В.Д. Сухорукова и сибирского просветителя П.А. Словцова по истории Сибири.

Между тем, культура романтизма предопределяла такую существенную особенность исторических трудов, как близость к художественной литературе. Это вполне может объясняться тем, что прошлое, прежде всего родная история и родная культура, в то время нередко воспринималось в романтическом ореоле. Отсюда и сама эпоха в развитии культуры получила наименование эпохи романтизма. К наиболее существенным признакам такой близости относится наличие такого построения исторического труда, в котором повествование имеет свой сюжет. Оно содержит, кроме того, образы исторических личностей, а также образы других феноменов истории и культуры того времени вроде событий и явлений прошлого, о которых идет повествование. Сюжет исторического труда заключался в изложении хода истории по теме, заключенной в его заглавии, наподобие того, как в произведении литературы, прозаическом или поэтическом, излагается развитие событий, относящихся к теме произведения. Что касается образов, то в трудах историков нередко создавались не менее яркие образные ряды, чем в произведениях литературы. Это особенно хорошо заметила в свое время Марина Цветаева, когда сопоставляла два образа Пугачева, созданных А.С. Пушкиным. Один из них возник в «Капитанской дочке», другой – в «Истории Пугачева», первый был литературным, другой – научным. Оба образа имеют свои особенности, и оба взаимно дополняют друг друга, позволяя представить характер двух исторических эпох – Пугачевского восстания и его времени, и того времени, когда А.С. Пушкин работал над темой Пугачевского восстания. При этом первый был образом Пугачева в истории самого восстания. Второй, художественный и романтический образ Пугачева-Вожатого, появившегося перед Петрушей Гриневым в метели недалеко от Оренбурга [Цветаева, 1997, с. 177], был образом восприятия тех событий в историческом сознании пушкинского времени.

Сюжеты также просматриваются в исторических трудах, посвященных общей истории страны, или в метанарративах, а также в трудах по местной истории, относящихся к какой-то отдельной части страны, к культурно-исторической области, к административной единице, наконец, к отдельному городу или казачьей станице.

Такие сюжеты, относящиеся к истории Дона и к истории Сибири, имеются в фундаментальных трудах В.Д. Сухорукова и П.А. Словцова. На наличие в труде Сухорукова сюжетной линии справедливо и определенно указывает современный историк А.И. Агафонов [Агафонов, 2001, с. 11]. Вместе с тем оба труда имеют свои особенности. Так, в труде по истории Дона Сухорукова исторический материал дополняется историко-этнографическим очерком. Это объяснялось особым интересом к самым разным сторонам, связанным с прошлым и настоящим казачества в России, который значительно усилился вследствие исключительно значимой его роли в ходе войны против наполеоновской Франции, в других войнах России при Александре I. Этот очерк, составляющий последнюю, восемнадцатую главу, дает общее представление об образе жизни и быте донского казачества в прошлом, благодаря чему Сухоруков сумел представить не только его событийную историю, но и условия, в которых существовали казаки. Что касается истории Сибири, то в ней П.А. Словцов использовал несколько иную структуру подачи материала. Историческое повествование он соединил с характеристикой сложившихся в Сибири учреждений и законов со статистико-экономической характеристикой региона, а также с этнографическими обследованиями. Однако сделал он это не после общего исторического повествования. Он включил эти характеристики в каждую из глав, выделенных в соответствии с предложенной автором периодизацией сибирской истории. Внимание Словцова к вопросам правовой истории, администрации, экономики и статистики было далеко не случайно. Экономика и статистика также пользовались в то время самым значительным вниманием. В XVIII – первой половине XIX вв. в России появилось немало статистических и экономических описаний страны, в том числе по ее регионам. Зарождалось страноведение как особая отрасль науки, в которой проводился комплексный анализ разных сведений о населении, его движении и распространенных на данной территории отраслях хозяйства. Поэтому проделанное Словцовым исследование демографии и экономики Сибири в полной мере соответствовало научным интересам того времени и сложившейся в первой половине XIX в. культуре исследования отдельных территорий государства. В.Д. Сухоруков также интересовался демографией, экономикой и статистикой Дона. Однако этим вопросам он посвятил особый труд и не включал его в свое «Историческое описание Земли войска Донского».

Как и в литературном сюжете, в сюжете исторического труда должны быть все необходимые его составные части. К ним относятся завязка, кульминация и развязка. Из всех этих составных частей сложнее всего в некоторых исторических сочинениях выразить развязку. Просматривается она не всегда. Если труд историка посвящен уже законченному объекту исторического познания, то развязка может совпадать с завершением его существования. К таким объектам могут быть отнесены «История Пугачева» А.С. Пушкина, «Деяния Петра Великого» И.И. Голицына и другие труды того времени. Но если объект исследования продолжает свое существование, то места для развязки как будто бы нет. К таким объектам относились казачий Дон и Сибирь в составе Российской империи. Тем не менее развязка в трудах В.Д. Сухорукова и П.А. Словцова просматривается. Это свидетельствует о том, что оба автора видели определенную логику в истории развития своих

объектов изучения, и это означало, что сама такая логика предполагает представление об определенном итоге истории этих объектов, к которому они пришли за определенную эпоху и с которого начинается последующая их история. Для нее, однако, необходимо было уже новое исследование.

Что же касается завязки, то в обоих трудах она прослеживается очень четко, причем имеет принципиальное сходство. К ней относится зарождение изучаемого исторического явления. В труде Сухорукова это было донское казачество, поскольку описание Земли войска Донского означало изложение истории казачества. В труде Словцова история Сибири рассматривается, начиная с периода вхождения ее в состав Российского государства. Отсюда завязкой этого труда выступало описание похода казаков во главе с атаманом Ермаком и завоевание ими Сибирского ханства, территория которого была присоединена к России. Завязка, вместе с тем, в обоих трудах не только сходная, но и строилась по своей структуре по существу аналогичным образом. В этой структуре выделяется первая часть, в которой дается представление об общем состоянии территории Дона и Сибири до появления казаков и, следовательно, до начала изложения их истории. Данная часть в труде Сухорукова представлена под заголовками «Описание страны, именуемой в летописях «Поле»» и «Жалобы двора нашего царю крымскому и турецкому султану за разбои, производимые на Поле». Совершенно очевидно, что видеть в этих разделах общее изложение истории Дона до появления казачества невозможно. Материал в них подчинен только лишь задаче выявления состояния Дона до появления казачества. Общее впечатление, которое создавалось в них и воспринималось читателем на Дону и в России, состояло в том, что Поле было местом опасным, на нем постоянно совершались разбои и нападения на купцов, или же через Поле лежал путь разбойников из числа татар, проводивших нападения на южную русскую окраину. «Эта пустыня сделалась приютом разбойников: постоянные торговые дороги, здесь пролегавшие, и известные перевозы на реках манили сюда отважных храбрецов искать добыч и опасностей» [Сухоруков, 2001, с. 27], – писал Сухоруков о Поле. Близкой была характеристика населения Сибири до присоединения к России, данная Словцовым. Там была, по его словам, «если почтить татар исключением, смесь дикарей, существовавших звероловством и рыболовством, болтавшим разными наречиями, следственно и принадлежавших разным сторонам и племенам, коих отчизны и места ими забыты, дикарей, скитавшихся за добычами по угрюмым ухожам» [Словцов, 2006, с. 59]. Отсюда вытекал общий вывод. Как утверждение казаков на Дону, так и присоединение Сибири к России составляли предпосылку преодоления дикости и варварства, вели к постепенному распространению культуры на Дону, к их общему дальнейшему развитию.

После общей характеристики состояния страны следует рассказ о появлении казаков на Дону и об экспедиции атамана Ермака в Сибирь, что непосредственно служило завязкой всего повествования. Появление казачества на Дону в середине XVI в., отмечал В.Д. Сухоруков, привело к резкому изменению ситуации в Поле, и уже «это воинственное сообщество... производило набеги на крымцев, азовцев и татар нагайских» [Сухоруков, 2001, с. 45]. Для истории Сибири такое изменение

в ее судьбе началось после похода ермаковских казаков, причем самого Ермака П.А. Словцов относил к таким героям, которые «среди бедствий бросаются из отваги в отвагу, ощущая в духе какую-то мечту чего-то лучшего, пока схватят венки мечты или сделаются мучениками ея» [Словцов, 2006, с. 52]. Впрочем, Ермака Словцов не идеализировал. Более того, он не был склонен преувеличивать значение его похода в Сибирь. По его словам, «возобладание Сибирью, возобладание не шаткое, было творением царским» [Словцов, 2006, с. 57], но не результатом похода казаков Ермака. Такое «не шаткое» «возобновление», о котором говорил Словцов, заключалось в основании в Сибири городов, что означало не только присоединение Сибири, но и ее хозяйственное и культурное освоение.

По композиционному построению основного содержания исторические труды В.Д. Сухорукова и П.А. Словцова заметно различаются между собой. Оба эти труда содержат интересный фактический материал, однако при этом в «описании» Сухорукова заметны две кульминации повествования. Они в полной мере соответствуют внутренней логике произведения. Если учитывать, что оно доведено до 1709 г., когда в истории войска Донского произошло такое важное событие, как подавление восстания под предводительством Кондратия Булавина, то, следовательно, Сухоруков доводил свою историю до того периода, когда Дон полностью потерял свою самостоятельность и был окончательно подчинен центральной российской власти, сделался внутренней территорией государства. Представляя историю войска Донского как непрерывную борьбу с Османской империей и Крымом как с внешними врагами, а также со стремлением московских властей установить свою власть на Дону, он выделил в ней два наиболее значимых события, что соответствует двум кульминациям в композиции исторического труда. Первая кульминация относится к описанию событий 1637–1642 гг., когда войско Донское взяло и удерживало Азов, что означало самый большой его успех в борьбе с турками. Это взятие было не только выдающимся успехом донских казаков, но и, по словам Сухорукова, «имело спасительные последствия для России: в продолжение пяти лет ни крымцы, ни нагайцы не смели даже показаться к нашим украинам, исчезла прежняя дерзость их и грабежи перестали» [Сухоруков, 2001, с. 202]. Он подчеркивал, что «обладание казаками Азова... истребило две трети их населения, но покрыло вечною славой» [Сухоруков, 2001, с. 211]. И если может возникнуть вопрос к точности приводимых донским историком данных, то утверждение его о славе, завоеванной казаками в борьбе за Азов, не подлежит сомнению.

Вторая кульминация связана с событиями, когда донские казаки выступали против разных сторон правительственной политики на Дону, да и вообще пытались отстаивать самостоятельность Дона по отношению к России. Это было несколько событий, к которым относится участие казаков в восстании под предводительством Степана Разина, в массовом движении старообрядцев на Дону в 1687–1688 гг. и в Булавинском восстании. При этом, как указывал Сухоруков, расправа с казаками при подавлении Булавинского восстания была очень жестокой, «более 7000 казаков было казнено и побито, уничтожены городки, поселенные по Донцу по Луганской, по Айдару, Деркулу, Калитвам и по другим речкам... по Медведице по Усть Медведицкой,

по Хопру и Бузулуку все» [Сухоруков, 2001, с. 409]. Таким образом, донская история в представлении Сухорукова развивалась бурно. Казаки завоевали боевую славу, но общий итог ее к завершению первого десятилетия XVIII в. был для них трагичен и катастрофичен для их самостоятельности и вольности. Из значимого субъекта международных отношений, который должна была брать в расчет такая мировая держава, как Османская империя, из вольной самостоятельной республики Дон превратился в объект политики российского самодержавия. В историческом отношении этот вывод, опирающийся на большой источниковый материал, проанализированный Сухоруковым, был весьма убедителен. Но столь же убедительным было раскрытие истории Дона в жанре литературной трагедии, когда казачья община, в жестоком и героическом противостоянии с сильнейшим внешним противником утвердившая на Дону начала вольной жизни, была в конечном счете подчинена царской властью, а ее вольность осталась в прошлом.

Столь же героические начала выделял в сибирской истории П.А. Словцов. Однако связаны они были не столько с борьбой против сильного внешнего противника, с которым в Сибири приходилось сталкиваться казакам Ермака Тимофеевича против Сибирского ханства или русским в Даурии накануне заключения Нерчинского договора 1689 г., но с преодолением огромных пространств и суровой природы. Коренной ломки сложившегося устройства внутренней жизни в Сибири, в отличие от Дона, под властью России не происходило, при том что конфликтов локального значения было множество, прежде всего в сибирских городах. С точки зрения самого Словцова, история Сибири не могла, на первый взгляд, вызвать особого интереса. В самом деле, это «история страны невеселой», существовавшей, «зимую среди пестрых нравов и обычаев, без мечтаний славы, без проявления гения, без побед, без политики, история, не выдавшая у себя Великих мира, кроме великих изгнанников его, наследовавшая вместо Эллорских храмов одни курганы или не прочитанные на утесах писанцы» [Словцов, 2006, с. 53], – писал он. Но тем не менее в истории Сибири он находит проблему, которая вызывает большой интерес. Такое исследование, по его словам, позволяло «судить, чему и с которой поры Сибирь одолжена была возрастанием, не так скорым: характеру ли ее правителей или невольному шествию вещей; учреждениям ли, собственно для нее изрекавшимся, или влиянию общих государственных узаконений» [Словцов, 2006, с. 54]. Проблема была весьма серьезная. Как настоящий патриот Сибири, Словцов был глубоко обеспокоен медленным ее развитием и пытался выяснить исторические причины такого ее развития. Тем более что, как он подчеркивал, утверждение России в Сибири имело для ее коренного населения самые положительные последствия. «Россия явилась среди забайкальских тунгусов и бурят колена монгольского с лучшим и благороднейшим правом, чем Батый на Волге или Днепре, явилась с предложением дружбы, торговли и благоустройства, с воззванием к истине от басней тибетских» [Словцов, 2006, с. 136], – указывал он. Слова эти относились к заселению Забайкалья, но по существу касались всей обширной территории Сибири. Тем самым возникала конфликтная ситуация, очень характерная для сюжета в литературных произведениях вообще, которая была способна вызвать интерес к повествованию. Конфликт состоял между

потребностями развития Сибири, с одной стороны, и замедлением его вследствие плохого управления или по иным причинам.

Предпосылки такого положения он выделял еще в тот период, когда казаки-землепроходцы, проходя неизведанные земли, вступали в контакты с местными народами. Уже для того времени Словцов усматривал весьма негативные стороны в таких контактах. Так, по его словам, еще В.Д. Поярков «заронил на Амуре невыгодную молву о духе русских» [Словцов, 2006, с. 88]. Он приводил слова одного из даурских родоначальников, обращенные к Е.П. Хабарову: «Знаю вас, казаков, вы пришли не для торга, а для грабежа, для умерщвления нас, для пленения наших жен и детей», причем, по оценке Словцова, эти слова были, «к сожалению, оправданы поведением Хабарова» [Словцов, 2006, с. 88]. Очень резко характеризовал он казаков, которые при обложении ясаком населения Камчатки «позабыли объясачить сердце ясачных собственным бескорыстием, прямодушием и с тем вместе доверенностью к Русской Державе» [Словцов, 2006, с. 148]. Управляющую верхушку Сибири и порядки управления в огромном крае Словцов характеризовал весьма негативно. Так, еще в период Смуты начала XVII в. было «легко чувствовать, каким сомнительным помышлениям предавались градоначальники ея в смуту и потом в междуцарствие. Перевороты царственные носились над главами, как неожиданные тучи над горами Уральскими; новые лица, как кровавые столпы северного сияния, выступали, двигались, блистали холодным светом и сменялись» [Словцов, 2006, с. 66]. Ситуация в России и влияние ее на Сибирь были выражены Словцовым, таким образом, с исключительной литературной образностью. Совершенно очевидно, что в таких условиях ничего позитивного в ее управлении быть не могло. Объяснял он это также отдаленностью Сибири от центра государства, при которой местные власти «легко выступают из мер справедливости и при малом неудовольствии предаются жестокостям, притеснениям, пока не будут смягчены жертвованиями притесняемых. Корыстолюбие есть спелый плод неправды, подобно как озлобление, скрытное или вспыхнувшее, бывает мздою корыстолюбия». Впрочем, по мнению Словцова, принятие Уложения царя Алексея Михайловича, предназначалось «для народного благоденствия» [Словцов, 2006, с. 97]. Однако он не преувеличивал положительного влияния этого законодательства и подчеркивал, что жалобы на воевод «для обиженных туземцев» [Словцов, 2006, с. 98] были по существу невозможны.

Не только действия воевод, но и государственная политика строились таким образом, что интересы внутреннего развития Сибири оказывались на периферии интересов власти. На это указывала сама структура русского сибирского населения, которую приводил Словцов и которая заключалась в разделении его на вольное и податное. Первое составляло «духовенство, должностные трех степеней до приказного включительно и казаки служащие, под именем которых разумеются разные воинские люди» [Словцов, 2006, с. 170], второе – разные группы крестьян, а также осевшие в городах промышленники и бобыли и такая немаловажная для Сибири категория, как ссыльные преступники, которые «с первого появления уже вносились в окладные книги» [Словцов, 2006, с. 172]. Сибирь, как он указывал, заселялась множеством людей, «большими ватагами уклонявшихся в Сибирь, то

во время волнений, в крепостном классе происшедших, то во время гонений, после строгих указных статей, в 1685 г. (7 апреля) изданных против старообрядцев, то во избежание рекрутских наборов» [Словцов, 2006, с. 172]. Проникнуть за Урал было для них, как он писал, нетрудно. Они основывали «починки» и «заимки», поднимали хозяйство, но постепенно «власти узнавали о новичках и оброком десятинной пашни мирили беглецов с казною» [Словцов, 2006, с. 172], превращая этих людей в источник дохода для государства.

С не меньшими сложностями сталкивалось, как отмечал Словцов, развитие сибирского просвещения. «Огонек грамотности долго таким образом горел и не разгорался под семейственными кронами, пока устроились монастыри и архиерейские дома» [Словцов, 2006, с. 193], – писал он, но и монастыри не спешили за счет своих доходов содержать семинарии и учителей. Отсюда не случайно, что не только хозяйственное освоение, но и просвещение развивались в Сибири медленно и трудно. Отмечая подвиги русских экспедиций в исследовании Сибири и достижения в ее заселении, Словцов признавал, что городская культура была на весьма низком уровне. По его словам, «главные города Сибири Тобольск, Томск, Енисейск и Иркутск были довольно многолюдны, имея домов от 3000 до 1000; но нравы городские стоят не столько сожаления, сколько порицания». Он ссылался при этом на свидетельство академика Гмелина, который «замечает в жителях, особенно в ремесленниках, чрезвычайную беспечность, нерадивость, решительную падкость к пьянству и распутству» [Словцов, 2006, с. 239], а в Иркутске отмечал распространение двоеженства, с которым ничего не могла поделаться церковь. Еще более ухудшало ситуацию в Сибири все шире распространявшаяся практика ссылки. В результате всего этого «могла ли Сибирь представлять физиономию крепкую, одушевленную, особливо если припомним из Манштейна, что в течение десятилетия по 9 ноября 1740 г. заслано в нее дворян и чиновников до 20 тысяч» [Словцов, 2006, с. 244], – задавал он риторический вопрос.

Свое «Историческое обозрение Сибири» П.А. Словцов задумывал довести до 1823 г., или до того времени, когда с 1819 г. на должности генерал-губернатора Сибири пребывал идейно и культурно близкий к нему человек, выдающийся реформатор М.М. Сперанский. Однако труд сибирского просветителя остался незавершенным, как и некоторые другие крупнейшие исторические труды того времени. Он был доведен до 1765 г., когда начинала царствовать первые годы Екатерина II. Не удивительно поэтому, что сюжет, заключавшийся в историческом обозрении процесса становления в Сибири современного для XIX в. строя хозяйственной и культурной жизни, не получил своего завершения. Не успел Словцов также отразить последний период екатерининского царствования, когда сам он за смелые обличения местных начальников угодили в ссылку в Валаамский монастырь [Мирзоев, 1964, с. 6; Зернов, 2006, с. 21–22]. Но тем не менее путь к завершению этого сюжета вполне просматривается. Он заметен в том, как Словцов тщательно и глубоко изобразил большие трудности, которые встречали и преодолевали Сибирь и ее народ на пути к просвещению и подъему хозяйства. Он вместе с тем показал не только суровость нравов

и традиций, не только недостатки администрации, но и людей, способствовавших продвижению Сибири. К ним он относил, в частности, известного енисейского воеводу «почтенного Пашкова» [Словцов, 2006, с. 93], о суровости которого писал еще ссыльный его современник, протопоп Аввакум и с которым было связано утверждение русских в Забайкалье. Однако главной силой, развивавшей огромный край, закладывая на значительной части его территории очаги культуры, он видел широкие слои переселявшегося из внутренней России русского населения и местные народы, которые для русских выступали на первых порах в качестве «иноплеменников неприязненных» [Словцов, 2006, с. 97]. В течение времени на просторах Сибири сформировалось такое общество, когда, по словам Словцова, и «русские, и племена подвластные начинали считать себя принадлежащими к одной великой семье» [Словцов, 2006, с. 97]. Общий итог своих многолетних наблюдений за земляками-сибиряками Словцов выразил в выводе об особом сибирском характере, который «тогда выражался в быту житейском, есть наследство, доставшееся от первых пришельцев с винтовкою, наследство, которое делили все, от промышленника до поселянина, от казака до воеводы» [Словцов, 2006, с. 170]. Это психологическое явление было, по его мнению, причиной как успехов в освоении Сибири, так и сохранения традиций в жизни и быту, которые тормозили ее развитие. Так разворачивался сюжет исторического труда Словцова, в котором общая линия, заключающаяся в развитии Сибири, вынуждена была преодолевать самые разнообразные и серьезные препятствия.

Оба выдающихся труда по местной истории первой половины XIX в., В.Д. Сухорукова по истории Дона и П.А. Словцова по истории Сибири, имеют не только научную ценность. Они выстроены таким образом, что имеют интересные сюжеты, и это определяет сходство их с произведениями литературы. Однако сюжеты их очень разные. Сюжет в труде Сухорукова имеет две кульминации, связанные с борьбой донских казаков с турками за Азов и с русскими властями за свои вольности, и имеет развязку с налетом исторической трагедии, поскольку войско Донское потеряло свою вольность и попало под полную власть русского самодержавия. В труде Словцова сюжет также отличается остротой и напряженностью, в той же степени, как сам процесс заселения и освоения Сибири. В то же время в нем не просматривается кульминация, поскольку не выделяется переломных моментов, после которых ход событий в Сибири, а вместе с тем и сюжет повествования, меняли свою общую направленность по пути ее хозяйственного освоения и культурного развития. Тем не менее налет исторической трагедии также присутствует в сюжете Словцова по сибирской истории, поскольку присоединение Сибири было связано с большими жертвами со стороны русского и местного населения и с необходимостью преодоления природных трудностей и тяжелых последствий «дурного» управления. Наличие острых сюжетов и соответствующих им образов в двух указанных трудах по местной российской истории ставило их в один ряд с произведениями русской классической литературы своего времени. ▶

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Агафонов А.И. История Донского края (XVI – первая половина XIX в. Исторические источники и их изучение). Ростов н/Д: Приазовский край, 2001. 382 с.
- Зернов В.А. Опальный историк, или путь к радуге // Словцов П.А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М.: Вече, 2006. С. 3–42.
- Словцов П.А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М.: Вече, 2006. 512 с.: ил.
- Мирзоев В.Г. П.А. Словцов. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1964. 59 с.
- Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли войска Донского. Ростов н/Д: ГинГо, 2001. 514 с.
- Цветаева М. Пушкин и Пугачев // Цветаева М. Собр. соч. в 7-и т. М.: Terra, «Книжная лавка-РТР», 1997. Т. 5. Ч. 1. С. 176–202.

REFERENCES

- Agafonov A.I. Istoriya Donskogo kraya (XVI – pervaya polovina XIX v. Istoricheskie istochniki i ih izuchenie) [History of the Don region (XVI – first half of XIX c. Historical sources and their studying)]. Rostov-on-Don: Azov region Publ., 2001. 382 p. (in Russian).
- Zernov V.A. Opal'nyj istorik, ili put' k raduge [Disgraced historian, or way to a rainbow], in Slotstov P.A. Istoriya Sibiri. Ot Ermaka do Ekateriny II [History of Siberia. From Yermak to Catherine II]. Moscow: Veche Publ., 2006. P. 3–42 (in Russian).
- Slotstov P.A. Istoriya Sibiri. Ot Ermaka do Ekateriny II [History of Siberia. From Yermak to Catherine II]. Moscow: Veche Publ., 512 p. (in Russian).
- Mirzoev V.G. P.A. Slotstov. [P.A. Slotstov]. Kemerovo: Kemerovo book publishing house, 1964. 59 p. (in Russian).
- Suhorukov V.D. Istoricheskoe opisanie Zemli vojska Donskogo [Historical description of Earth of Don Cossack Host]. Rostov-on-Don: GinGo Publ., 2001. 514 p. (in Russian).
- Cvetaeva M. Pushkin i Pugachev [Pushkin and Pugachev], in Cvetaeva M. Collected works in 7 volumes. Moscow: Terra, Book store-RTR, 1997. V. 5. P. 1. P. 176–202 (in Russian).